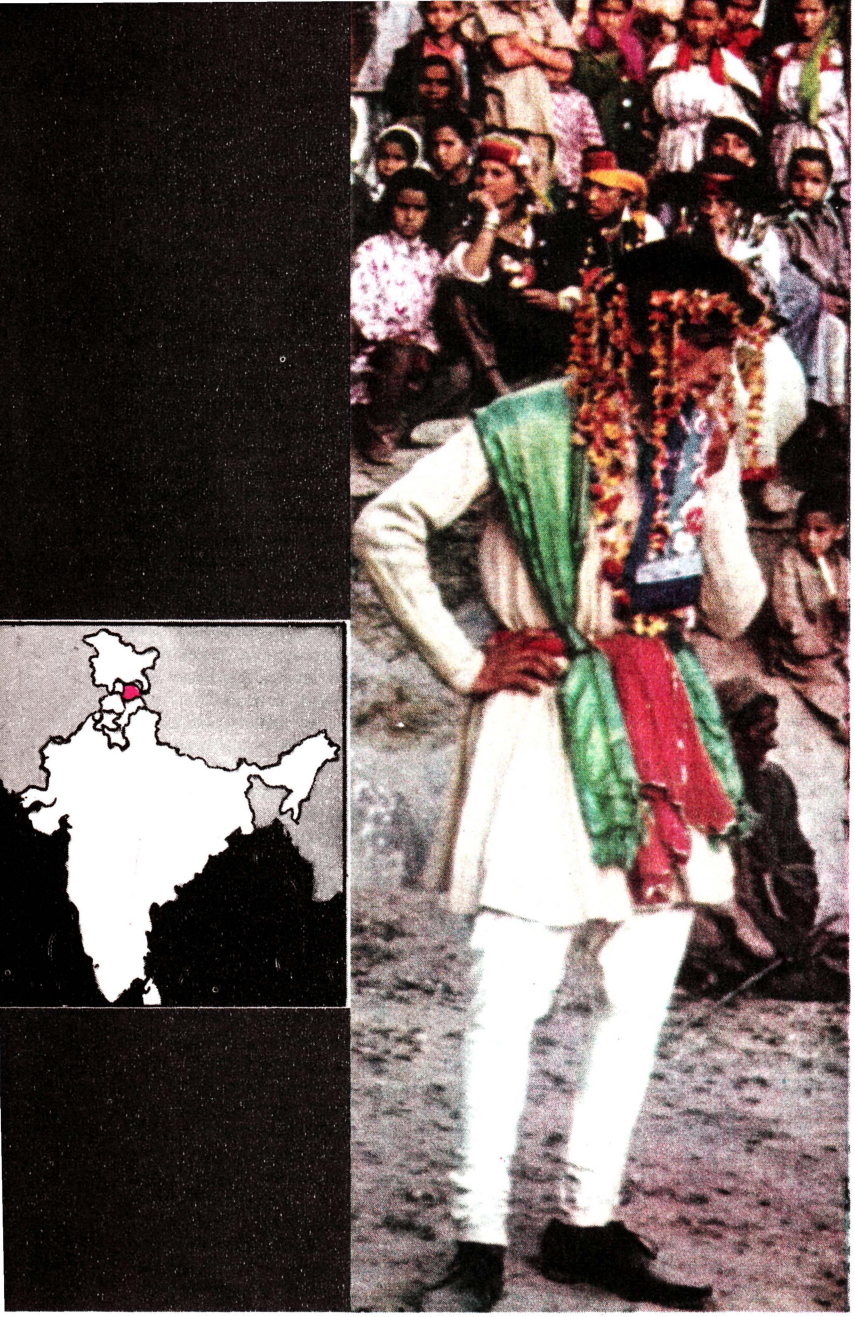
ВОКРУГ СВЕТА

10 1973 ОКТЯБРЬ



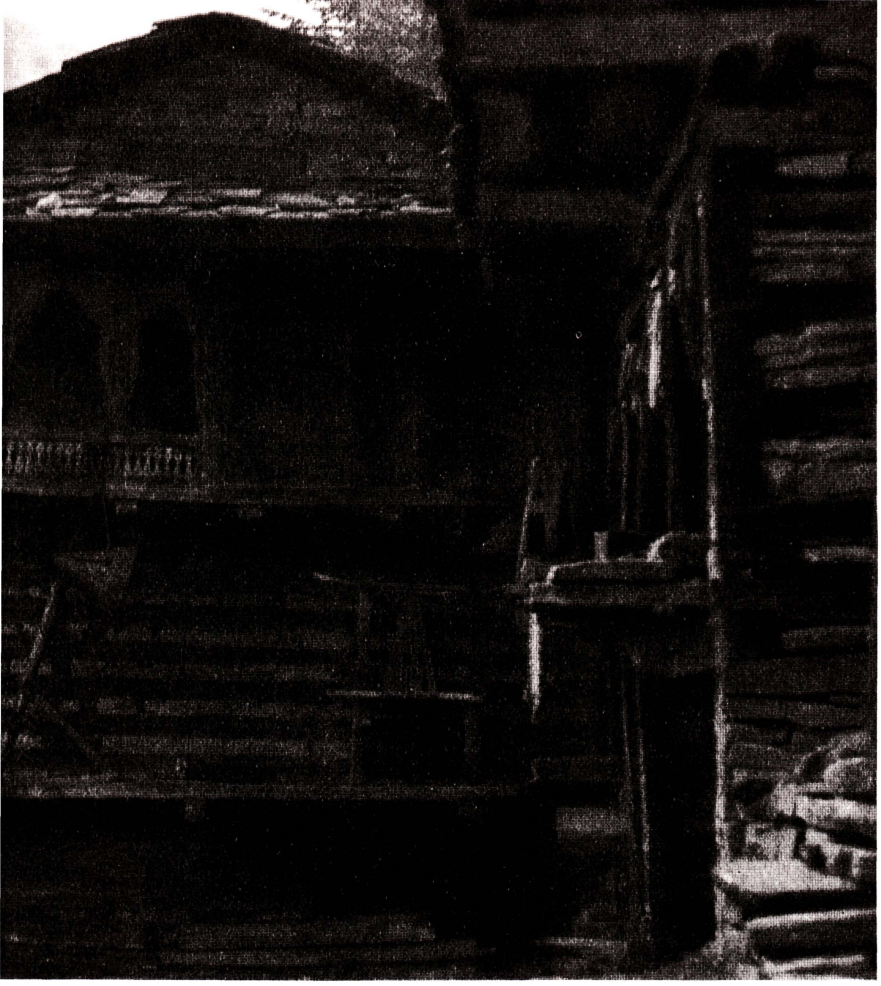
Л. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии им. Дж. Неру

ДОЛИНА

Фото автора

Казалось, этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигал глаза и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке нашего «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И редко-редко на обочине дороги возникали домишки с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к горячей ленте дороги. И миля за милей, час за часом — плоская желтая равнина, яростное солнце и буйство раскаленной пыли.

Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражем, плывшим над этой безлесной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже были похожи на мираж. Однообразие было таким одуряющим, что я не заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться вверх. Потом холмы сменились невысокими горами, а кустарник — густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте на горах зевом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынна, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа был обрыв, который падал в темноту там, где шумела река. Временами я впадала в забытье,



ТЫСЯЧИ БОГОВ

тогда дорога и скалы сливались в зыбкий рисунок, дрожавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки справа и слева от дороги.

— Долина Кулу, — сказал шофер. — Теперь нам надо найти Наггар и этот дом.

— Что, разве уже Гималаи? — спросила я.

— Теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла уставшие глаза, но в темноте, кроме редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, ничего не увидела. Река шумела где-то совсем рядом. Воздух стал чуть прохладней, но машина была так разогрета, что это едва ощущалось. И вновь дорога поползла кверху, а машина, с трудом цепляясь за нее, с ревом карабкалась в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. А через несколько минут машина уперлась фарами в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени. Деревянные створки бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

— Рад вас приветствовать в долине Кулу.

Традиционный дом в долине Кулу (она показана на карте красной точкой).

Танцоры на празднике Трипурасундари.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты жена его, Девика Рани, сразу затормошила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух был свеж и прохладен, что звезды были низкими и яркими и что все вокруг виллы Рерихов было напоено запахом хвои и роз.

И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустилась в мягкое кресло, и оно, ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где вилась раскаленная лента дороги по желтой и жаркой равнине.

КУЛУТА

Вы, конечно, помните картину Николая Рериха. Она называется «Кулута». Сине-белые изломы гор на ярко-голубом небе. Гряда облаков, лежащая в ущелье, и обрывистые берега текущей по узкой долине реки. Почти такой же я увидела долину Кулу в то раннее солнечное утро. Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала передо мной, прорезанная лентой бурного Биаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих рощ были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в изломах которых дробился голубой цвет неба. Внизу подо мной лежал древний поселок Наггар. Крыши, крытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А на окраине Наггара странное сооружение, трехъярусная деревянная крыша и каменное основание. Где-то я уже видела нечто подобное. Но где? Память разворачивает свою киноленту. И я снова вижу горы, не такие высокие, как здесь, сосновые леса, и там, между деревьями, трехъярусную деревянную церковь. Да, конечно, это Карпаты. Но ведь это все так далеко... Другая страна, другой народ, останавливаю я себя. Предположения могут зайти слишком далеко. Внезапно какая-то тень набежала на долину, изменила оттенки зелени, легла на голубизну реки и замутила ее. Над горами поползли тучи. Тяжелые, с рваными краями. И четкие очертания снежных вершин стали расплываться, постепенно стираясь и исчезая. Над горами начался снегопад. А сюда, в долину, он ворвался теплым дождем, зашумел желтыми глинистыми ручейками по горным тропинкам... Щедрый и долгожданный дождь плодородной долины. К вечеру тучи преодолели снежные перевалы и уплыли куда-то на север. Небо очистилось, и над долиной и горами повисли колкие искристые звезды. Долина ответила им созвездиями желтых электрических огней.

Кулу... Острые пики снежных гор, плодородные поля, бушующий Биас, бурлящие потоки горячих источников, храмы, где обитают боги долины, священные рощи с тысячелетними деодарами, развалины старинных крепостей и дворцов, забытые погребения. Осколок жизни древней Индии, затерянной в Гималаях. Снежные вершины и перевалы, как стражи, охраняют тысячелетние тайны долины. Кто здесь жил, кто прошел, кто оставил своих потомков и старинные обычаи? Кто населил долину богами? Кто строил трехъярусные лесные храмы? Чью одежду сохранили люди долины? Чьи легенды они рассказывают? Ответить на все это непросто. О Кулу мы знаем много, но в то же время очень мало. Легенда и вымысел тесно переплелись с реальными событиями далекого прошлого. И отделить их друг от друга часто бывает трудно. Легенды говорят о великих мудрецах — ри́ши, которые обитали в пещерах Кулу тысячи лет назад. Легенды повествуют об Арджуне, о риши Виасе, который собирал Махабхарату и написал последнюю из Вед — Атхарва Веду. Из тьмы ушедших веков легенды доносят воспоминания о ранних ариях, о забытых завоевателях, о древних, осевших здесь племенах...

Веды повествуют о людях кунинда, или кулинда, которые были предками теперешних жителей долины. Старинное название долины — «Кулута» — было вычеканено на монетах I века. Кулута лежала на древнем караванном пути, ведшем из далекого Китая через заснеженные просторы Тибета в плодородную долину Инда. И ее камни, медные таблички и рукописи повествуют о стремительных набегах тибетцев, о кровавых сражениях у снежных перевалов, о вероломстве и предательстве правителей соседних Ладака и Чамбы и блистательных могольских императорах, подчинявших себе долину, о рыцарях-раджпутах, которые правили ею уже в средневековье, о воинственных свободолюбивых сикхах, пытавшихся обосноваться здесь.

Волны завоевателей проносились над долиной и откатывались, оставляя следы, как волны морские оставляют складки на песчаном морском берегу. Свои крепости, свое оружие, свою религию. Но эти «складки» оставались где-то на поверхности и не затрагивали глубин древней жизни долины. Поэтому ее жители продолжали подчиняться своим раджам, поклонялись своим богам, пели свои песни, рассказывали свои легенды, хранили свои тайны. В долине рассказывают о подземных ходах, высеченных в горах древними пришельцами, об исчезнувшем хранилище старинных буддийских книг, привезенных из Тибета и погребенных где-то в окрестностях Манди, о ламах-пророках, которые время от времени появляются в долине... Теперь в долине проложили современные дороги и провели электричество, построили отели и школы. Кулу превратилась в модный летний курорт. И кажется, что современная жизнь втягивает Кулу в свою орбиту. Но это только кажется. На долю современных пришельцев достается пока та же участь, что и прежних. Они как волны на поверхности прибрежного песка. А где-то в глубине остается и живет, как много тысячелетий назад, древняя Кулута...

О ТЕХ, КТО НЕ ИЗОБРЕЛ КОЛЕСА

В Кулу до сих пор не изобрели колеса. Не изобрели — и все тут. Просто, видно, было некогда. Слишком бурной была история долины. Гордый и независимый характер канетов, потомков древних кунинда, не позволил им до наших дней воспользоваться чужим изобретением. И хотя они знают, что существует такое приспособление, как колесо, и видят его на автобусах и машинах, но почему-то испытывают к нему необъяснимое отвращение. И поэтому на горных дорогах Кулу вы не увидите телег. Характернейшая деталь сельской Индии здесь по непонятным причинам отсутствует. Жители долины предпочитают носить тяжести на себе или навьючивать их на низкорослых лошадей.

Отношение к колесу не единственная историческая загадка Кулу. Сами жители тоже за-

гадка. Ибо они совсем не похожи на привычных нам обитателей Индии.

По горной тропинке среди сосен движется группа людей. Три женщины и два молодых парня. Их кожа смугла, но не темна. Волосы прямые, губы тонкие. Носы с легкой горбинкой. Увидев меня, группа замедляет ход, люди вежливо здороваются, и какое-то короткое мгновение мы изучаем друг друга. Но потом высокий парень делает знак рукой, и все они, женщины и мужчины, легконогие, как все горцы, продолжают свой путь. А я еще долго смотрю им вслед. Меня поражают не только их лица, но и одежда. Здесь, в Кулу, вы не увидите традиционных дхоти и сари. Здесь все другое. На женщинах платки ярких, сочных тонов. Платки повязаны под подбородком или стянуты узлом на затылке. И в этом есть что-то славянское. Поверх блузки-камизы надевается платье, состоящее из единого куска шерстяной домотканой материи. Оно называется «патту» и укрепляется на груди двумя большими булавками, соединенными серебряной цепочкой. Так скалывали когда-то плащи кельты, скандинавы или прибалты. На патту часто бывает выткан геометрический узор традиционных цветов: черный, желтый, красный, синий. И этот узор напоминает и наш украинский, и болгарский, и югославский. На ногах мужчины и женщины носят грубошерстные чулки до колен и обувь, похожую на наши закарпатские постолы. А однажды я видела, как через лесную поляну бежала девочка. На ней была красная косынка, она подобрала подол патту, и я с изумлением заметила, что на ногах у нее были лапоточки. Изящные лапоточки, сделанные, правда, не из лыка, а из какой-то травы. Видеть это было так же странно, как и кафтаны с кушаками на мужчинах. А их плоские круглые шапочки, украшенные иногда фазаньими перьями, напоминали головные уборы европейских горцев.

Каждый день в долине полон неожиданностей. Раннее утро. На придорожных деревьях и траве лежит обильная роса. Контуры близких гор еле намечаются на медленно светлеющем предрассветном небе. С реки Биас на дорогу ползут синеватые полосы тумана. Стоит удивительная тишина, как будто все замерло в ожидании рассвета. Я спускаюсь к дороге, лента которой пока еще только угадывается в предрассветной мгле. Никого. И только горы все четче проявляются на светлеющем небе, и уже плывут над розовыми снегами розовые облака, подсвеченные золотом пока еще невидимого солнца. И мною овладевает какое-то странное чувство. Мне кажется, что время вдруг остановилось. Все то, что я вижу, было много тысяч лет назад. И эти горы, и деревья, и облака. И теперь остается только ждать чуда. И оно не замедлило явиться. Вдруг с каким-то печальным присвистом пропел скворец. За поворотом дороги раздался топот множества ног. Вырвавшийся из-за гор солнечный луч заплясал в золотистой прозрачной дымке. И в этой дымке возник человек. Не было сомнения, что это был очень древний человек. Неожиданная тень прошлого. Он был высок, горбонос и усат. Шерстяной, до колен кафтан стягивала обернутая несколько раз вокруг талии веревка. Мускулистые, с хорошо развитыми икрами ноги, обутые в тяжелые, странной формы башмаки, уверенно ступали по дороге.

— Ты кто? — оторопело спросила я эту «тень прошлого».

— Гадди, — густым басом ответила «тень» и смущенно затеребила длинный черногорский ус.

— Кто, кто? — не сразу поняла я.

Человек был терпелив и пояснил:

— Гадди мы, пастухи из Чамбы, вон из-за тех перевалов, — и показал на северо-запад.

А топот все нарастал и нарастал, и возникали еще какие-то странные звуки, сопровождавшие этот топот. И я приготовилась к лицезрению картины древнего переселения народов. Но тут из-за поворота дороги вырвалось стадо овец и коз. И я поняла, что странные звуки были просто их блеянием. Стадо бесконечным потоком растянулось на дороге. А рядом с ним шагали эти древние пастухи — гадди, пришедшие сюда откуда-то из-за гималайских снегов. Вместе с ними шли женщины. На одних были легкие шерстяные свитки, на других — длинные, в мелкую складку юбки. Черные платки стягивали их головы, а нижняя часть лица была скрыта куском красной ткани. Видны были только брови и живые, любопытные глаза. Их костюмы еще более усилили впечатление необычности происходящего. И когда на дорогу вышел кельт в шерстяном плаще, я уже не удивилась. Завершая все происходящее, раздался призывный звук трубы. Я заставила себя обернуться. На дороге стоял автобус и сигналил овцам, древним пастухам, кельту и мне. И... очарование исчезло. Все стало на свои места. «Кельт» снял плащ, и под ним оказался кафтан жителя Кулу. Потом я узнала, что мужчины в Кулу так носят на плечах шерстяные одеяла в холодную погоду.

Казалось, все ушло, но тем не менее все продолжало существовать. Бок о бок. Как две реальности. Так же, как продолжала существовать в одно и то же время древняя и современная долина Кулу.

По долине и по склонам гор разбросаны зеленые квадраты полей. С рассвета до захода на них можно видеть работающих людей. Они пробираются к этим полям по крутым горным тропинкам. На полях выращивают пшеницу, ячмень и рис. К полям примыкают сады — вишневые и абрикосовые. На лесных травянистых полянах пасутся овцы, коровы, козы. Большинство жителей долины — земледельцы. Размеры их полей разные. Так же по-разному выглядят сложенные из грубо тесанных камней дома. Ибо здесь, как повсюду в Индии, есть свои бедные и богатые.

Но зажиточность земледельца Кулу — вещь относительная. Если есть теплая одежда и еда на каждый день — значит, человек богат. Если прочно стоят стены твоего дома, не протекает сланцевая крыша и есть на что посадить гостя — значит, в доме достаток. Весь день каннеты заняты. Мужчины несут из леса вязанки дров, женщины, плавно ступая, сгибаются под тяжестью заспинных корзин, наполненных свежей травой. Все пригодится в хозяйстве. И все они, бедные и зажиточные, легконоги и стройны. Слишком много приходится всем ходить по крутым горным тропам, слишком часто приходится преодолевать подъемы. И поэтому каннет ест всего два раза в день. Желудок должен быть легким. Утром можно обойтись пшеничными лепешками и молоком. Вечером — рисом с овощами и простоквашей. Над домами Кулу только два раза в день поднимаются синие дымки. Но это ко-

гда тепло. В зимние месяцы, когда долина завалена снегом, а по склонам метут метели, огонь в очаге поддерживается целый день. И по древней традиции хранительницей этого очага является женщина.

Женщина... Здесь, в горной изолированной долине, ее участь оказалась несколько иной. Матриархальное прошлое дает о себе знать на каждом шагу. Мать, работница, жрица, глава семьи... «Женщина Кулу правит своим мужем», — писал один английский наблюдатель в прошлом веке. А в некоторых случаях, я бы добавила, и мужьями. Примеры полиандрии — многомужества — сохранились и до сих пор. Соседний район Тибета, как известно, долго практиковал эту форму матриархального брака. Правда, со временем мужчины Кулу, добившись «освобождения», сумели заменить полиандрию полигамией — многоженством. Но они еще не посягнули на традиционную свободу своих женщин. И поэтому женщины здесь лишены некоторых качеств, присущих их цивилизованным сестрам. Они держат себя свободно и независимо. Сильные и смелые, они уходят далеко в горные леса собирать ягоды, коренья, грибы, целебные травы. Они работают в поле, пасут скот, управляют семьей. Никто в Кулу не станет смеяться над мужчиной, спрашивающим совета у своей жены. Не будут показывать пальцем на человека, покорно выполняющего ее распоряжение. Чисто мужская компания вызывает у каннетов недоумение. «А где же ваши женщины?» — интересуются они. Даже чакти или сур — местное пиво — пьют всегда вместе с женщинами. Такая привязанность мужчин к своим женщинам, однако, не уберегает первых от измен последних. Свобода женщины, сохранившаяся от матриархальных времен, дает ей возможность и свободно распоряжаться своими привязанностями. Уход от мужа — событие, не влекущее за собой никаких особых последствий. Развод — процедура про

Рога украшают вход в храм богини в Манами.

стая. Вдова может снова выйти замуж. Правда, часто вдовы предпочитают не вступать вновь в законный брак. Зато вдовцы стремятся вновь жениться, ибо, лишенные твердой женской руки и работницы на поле, они чувствуют себя крайне сиротливо и неприкаянно. Да к тому же мужчина без законной жены вызывает обидные насмешки товарищей и унизительное сочувствие родственников.

До сих пор среди каннетов сохраняется, хотя и в несколько измененном виде, родовая организация. В Кулу каждый помнит свой род и его прародительницу. Касты в долине появились поздно. Кастовые запреты и ограничения здесь не соблюдаются, да и каннет нередко задумывается перед тем, как назвать свою касту. Но «низкие» касты тем не менее известны всем. Их называют даги или коли. Среди них каменщики, кузнецы, кожевенники, рубщики леса. Они носят ту же одежду, что и остальные. Соблюдают общепринятые обычаи, посещают те же храмы, поклоняются тем же богам. От каннетов-земледельцев их отличает только тип лица. У них толстые губы, широкие носы, курчавые волосы. При взгляде на них вы вспоминаете племена джунглей Южной Индии.

Долина древняя и долина современная. Живущая своей жизнью на склонах Гималайских гор. И люди ее, так непохожие на остальных индийцев, с рассвета и до захода снуют по горным тропинкам, в лесу, меж полей. Те самые люди, которые так и не изобрели колеса и упрямо не желают до сих пор воспользоваться чужим изобретением...

БОГИ ЕДУТ В ГОСТИ

«Ревет музыка, льются песни, и они начинают дикий военный танец с мечами. Как кавказские горцы или мечники Курдистана, сыны древней воинственной долины вихрем, но грациозно кружатся в танце. Появляется старый жрец. Он берет две сабли у юных танцоров... и как будто происходит чудо. Согнутый старый жрец внезапно преображается и, как воин, кружит в диком священном танце. Изогнутые сабли сверкают. Тупой стороной сабельного лезвия старик наносит себе воображаемые символические раны». Это опять Николай Рерих. Описание летнего праздника в долине Кулу. Летний праздник — одно из самых интересных и красочных зрелищ. Он начинается в середине мая, когда пшеница и ячмень уже созрели на полях долины. Мне повезло, потому что я приехала в Кулу в мае.

В этот день в долине гулко и тревожно забили барабаны. Сначала один, затем отозвался другой, где-то в противоположной стороне загремел третий. И вся долина наполнилась этим призывным боем. Я не сразу поняла, что происходит. Гулкое эхо перекатывалось по горам, и я подумала: может быть, на долину наступает неприятель? Потом на дороге, ведущей в Наггару, раздались крики, и я увидела группу празднично одетых людей, несущих на плечах паланкин под красным зонтиком. Они приплясывали, кричали и что-то пели. Я спустилась по склону к дороге. Когда процессия поравнялась со мной, я спросила идущего впереди рослого мужчину:

— Что здесь происходит?

— Летний праздник, ты что, не знаешь? Идем с нами.

— Куда? — спросила я.

— В храм Трипурасундари. Мы идем туда. Наша богиня едет в гости.

— Как это в гости? — удивилась я.

— В гости к Трипурасундари. А потом Трипурасундари приедет к нам.

Это было что-то новое. Я знала, что боги могут многое. Но никогда не предполагала, что они ходят в гости. Я поискала глазами в толпе идущую в гости богиню, но не нашла и задержала взгляд на паланкине. Оттуда на меня глянула бронзовая маска. Маска улыбалась тонко и загадочно, как Джоконда. Оглушительно забили два барабана, люди закричали «Трипурасундари, Трипурасундари, Трипурасундари!».

А едущая в гости богиня в такт движению паланкина покачивала маской и, казалось, одобрительно кивала людям.

Дорога вывела меня к окраине Наггара, туда, где среди зеленых склонов стоял трехъярусный деревянный храм уважаемой в долине богини Трипурасундари. И по этим зеленым склонам, и на площадке перед храмом — везде сидели и толпились люди. Многоцветные пятна на яркой зелени травы. Шитые яркими узорами патту женщин, красные бархатные, украшенные фазаньими перьями шапочки мужчин, лиловые и зеленые с серебряной отделкой платья лахулок, белые кафтаны пастухов-гадди — все пели, разговаривали, двигались. Яркое солнце заливало все пространство у храма, и над всем этим сверкали снега Гималаев. И только темные платья старух контрастировали с этим разноцветьем. На седых космах старух были черные платки, и они напоминали каких-то древних жриц. А может быть, они и были ими...

Люди теснились у храма и растекались цветной рекой по узким прихрамовым уличкам, где стоял чад над прокопченными харчевнями. Торговали сластями и браслетами лоточники, вздымались вверх гирлянды цветных шаров. Вдруг золотыми молниями взметнулись к голубому небу две длинные медные трубы. Раздался рев, раздробился о горы и веселыми руладами пролился вновь на площадку перед храмом. Забили барабаны, и круг молодых парней задвигался в такт этому необычному аккомпанементу. Белые кафтаны, перехваченные зелеными, красными, оранжевыми кушаками. Черные фетровые шляпы, украшенные цветочными венками. Цветочные гирлянды как ожерелья на груди. Чуть приподняв головы, юноши легко и пружинисто печатали несложный узор танца, все ускоряя и ускоряя темп. В танце была воинственная четкость, но не было мечей, о которых писал Рерих.

Потом я узнала, что мечи превратились в реликвию, и их редко выносят для танца. Все быстрей и быстрей двигался круг танцующих, и вот уже яркие кушаки, цветочные гирлянды, слились в сплошной круг, и все это неслось, неслось куда-то, втягивая в вихрь танца все новых танцоров. Так же внезапно, как и началось, все кончилось. Круг остановился и распался, трубы и барабаны замолкли. А танцоры, поводя захмелевшими глазами, смущенно улыбались, слушая одобрительные восклицания присутствующих. И снова поднялись трубы, и снова загремели барабаны, и снова закружились новые танцоры... Уже солнце ушло за горы, ночь затопила долину, а у храма Трипурасундари со склона на склон блуждали огни факелов и металось пламя костров.

Третий день праздника был самым важным. Все приехавшие в гости боги и богини показались народу и приняли участие в торжестве. Их бронзовые маски плыли в паланкинах. В центре сама хозяйка, а вокруг высокие гости. Перед паланкинами шли три пророка-гура. Босые, в коротких кафтанах. Их длинные распущенные волосы падали на спину и плечи, растрепанные бороды прикрывали грудь. Они несли в руках чаши, над которыми вился голубой дымок благовоний. И снова ревели медные трубы и гремели барабаны. Но тут случилось непредвиденное. Неожиданно пошел дождь. Пророки пришли в замешательство, угольки благовоний намокли и не хотели больше дымить, многочисленные богини и сопровождавшие их боги запросились обратно в храм. По их серебряным и бронзовым маскам стекали струи дождя, и маски больше не улыбались. Пророки поцокали языками, смущенно потоптались на месте, повели зябко плечами и отменили пророчества.

На следующий день я решила поближе познакомиться с Трипурасундари. Но ее не оказалось дома. Богиня под грохот барабанов отправилась в гости к своей соседке, где она рассчитывала пробыть не меньше недели... И еще долго боги и богини долины Кулу, сияя серебряными и бронзовыми масками, ходили друг к другу в гости.

Маски были древние, как и сами боги и те храмы, в которых они жили. И эти храмы не имели отношения к индуистским храмам, чьи каменные конические шикары самодовольно и кичливо вознеслись над священными лесами, заповедными источниками и волшебными полянами древней Кулу.

...Дорога упрямо карабкается вверх, куда-то на гору. Там, внизу, остался небольшой поселок Манали, раскинувшийся на берегу Биаса. Наконец дорога кончается и переходит в тропинку, которая петляет между замшелых огромных валунов. За валунами возникает кедровая роща. Солнечные лучи пронизывают кроны деревьев и янтарными бликами ложатся на мощные кряжистые стволы. Вокруг стоит тишина, и только негромкое пение птиц время от времени нарушает ее. Сколько лет стоит эта роща? Тысячу или две? А может быть, и того больше... Роща постепенно редеет, и открывается заросшая свежей травой поляна. Кедры робко жмутся у ее края — кто-то все эти столетия оберегал поляну и не пускал кедры на нее. Так обычно поступают со священными местами.

На поляне стоит трехъярусное здание древнего храма. Храм посвящен богине Хирман. Низкий деревянный фасад покрыт резьбой: воины, богини, олени, цветы, священные деревья. Над входом прибиты черепа оленя и горного козла. Это настоящее лесное святилище. Я перешагиваю порог храма и попадаю в полутемное помещение, напоминающее пещеру. Противоположная стена образована огромным валуном. Земляной пол неровен, и от него тянет сыростью. Прокопченные массивные балки крыш уходят куда-то ввысь, теряясь в призрачной темноте, паутине и лохмотьях пыли. Летучие мыши срываются с балок и с писком носятся низко над полом. В земляном полу яма, прикрытая большим плоским камнем. В яме стоят две бронзовые фигурки богини и лежат крупные красные цветы. Откуда-то сверху свисает тяжелая медная цепь. На цепи колокол. Мне становится не по себе. Хочется выйти на солнечный свет, но в то же время что-то притягивает к этому месту, и я остаюсь. Таких храмов в Индии я еще не видела.

— Наш храм древен, очень древен... — раздался хриплый голос.

От неожиданности я вздрагиваю и поворачиваюсь на голос. В полутьме различаю фигуру старухи. Седые пряди ее волос стягивает красный платок. На груди серебряная цепь «бумни». Старуха зябко кутается в шерстяное одеяло, похожее на длинный старинный плащ. Я невольно делаю шаг назад, и старуха предупреждающе вскрикивает:

— Осторожно! Упадешь в яму. Осквернишь кровь жертв. Вся земля здесь пропитана кровью. Священной кровью жертв человеческих.

Час от часу не легче. Хрипловатый голос старухи звучит как будто издалека, сквозь время прошлых веков.

— Теперь эта кровь всходит на нашей земле красными цветами.

И мне кажется, что лежащие в яме цветы набухают кровью. Я стряхиваю с себя оцепенение.

— Как тебя зовут? — спрашиваю старуху.

— Матаджи. Я жрица в этом храме. Самая главная жрица.

— Но вы ведь приносите в жертву коз и овец. При чем здесь человеческая кровь?

Кулуты на храмовом празднике.

Барельефы из храма Шивы в Наггаре.

Грузы в долине Кулу переносят в огромных заплечных корзинах.

— Ты права, это сейчас. А было время, когда на этом камне — видишь его над ямой? — умирали люди, принесенные в жертву богине Хирман. И их жертвенная кровь стекала в яму.

— Когда же это было?

— И давно и недавно, — философски отвечает жрица. — Пять тысяч лет назад богиня Хирман подарила землю нашему королю, тогда и построили этот храм.

— А почему именно здесь?

— Потому что здесь священная роща и священный жертвенный камень. Он лежит здесь с тех пор, когда был сотворен мир. И тогда мы приносили человеческие жертвы.

И я вижу, как исчезают, растворяясь в ночной тьме, стены храма. Над головой шумят тысячелетние кедры. Низкие звезды застряли в их ветвях. Мечутся огненные языки священного жертвенного костра. Огонь освещает стволы деревьев, красными бликами скачет по лицам людей и по связанной жертве, лежащей на плоском камне. Как черные, зловещие вороны кружат вокруг камня в ритуальном танце старухи жрицы. Из-под черных платков развеваются седые космы, темные балахоны подпоясаны веревками, звенят монисто. Старухи машут крыльями-руками, и неумолчно звучит их песня во славу богини Хирман.

Суровы лица мужчин. Их длинные волосы, перехваченные тесьмой, спадают на глаза, бороды отбрасывают причудливые скачущие тени. Круг жриц-ворон двигается все быстрее и быстрее. Затем он внезапно распадается, и старшая жрица, взмахнув руками, кричит в исступлении: «Жертву, жертву благословенной богине, жертву нашей заступнице и защитнице!» Коротко и пронзительно вскрикивает человек, лежащий на плоском камне. Алая струя бьет по стенкам ямы.

— Вот так это происходило, — слышу я голос жрицы.

И вновь появляются надо мной прокопченные балки храмовой крыши, возникают стены, и летучие мыши шумят перепончатыми крыльями. Золотой луч низко стоящего солнца врывается в дверь и освещает часть храма. Я вижу вдоль стен грубо сколоченные полки, на которых лежит храмовая утварь: флаги, колокола, медные трубы, барабан. Рядом с плоским камнем в зале вырыт очаг, где зажигают до сих пор священный огонь в честь богини Хирман Деви.

Мы выходим на воздух, и жрица Матаджи как-то сразу утрачивает свои зловещие черты и превращается в приветливую обычную старушку.

— Хочешь видеть Хирман Деви? — спрашивает она. — Приходи сюда как-нибудь лунной ночью. — Матаджи переходит на шепот. — И когда услышишь, что кто-то скачет, спрячься за деревом и смотри. Верхом на белом льве появится Хирман Деви. Очень красивая, очень богато одетая. Все на ней сверкает. И золотые браслеты, и драгоценные камни, и красные волосы.

...У меня не было в запасе лунной ночи в долине Кулу, и поэтому моя встреча с богиней не состоялась...

Богини долины Кулу — Трипурасундари, Хирман Деви, Батинда... Они царят и правят в своих храмах. Изваяния богинь смотрят в дверные проемы на северо-запад, а индуистские боги — на юго-восток. До сих пор в древних храмах по праздникам и торжественным дням приносят в жертву коз и овец и хранят память о человеческих жертвоприношениях. Каменные храмы пришлых браминов с затейливо украшенными башнями-шикарами таких ритуалов не знают. В древних храмах до сих пор сохранились жрицы, и пророки нередко играют роль жрецов. В каждом таком храме хранятся бронзовые маски богинь и их многочисленных родственников. Говорят, в Кулу 360 богов, но на самом деле больше. Эмблемы этих богов-прародителей вышиты на храмовых флагах. В индуистских храмах бронзовых масок нет, а стоят традиционные изваяния Вишну, Шивы, Кришны, Ганеши и их жен, одетых не по сезону, с обнаженными торсами. Боги жарких долин. И только один бог одет должным образом. Это Сурья — бог Солнца. Древний ведический бог, которому поклоняются и брамин из каменного храма, и гур-пророк. Однако Сурья долины Кулу явно носит на себе следы чужеземного происхождения. Он гордо восседает на лошади, выставив ноги в сапогах до колен. Арийский Сурья — наездник и кочевник, заставивший жителей Кулу забыть имя и облик своего более древнего собрата.

В древних храмах поклоняются змеям — мудрым нагам. И их еще более мудрым женам — нагиням. Наги имели непосредственное отношение к демонам. Сама богиня Хирман Деви — прародительница теперешних жителей.

Кулу была сестрой демона Танди. А наиболее почитаемые наги были рождены прекрасной женщиной из деревни Гошал от могучего Басу Нага. Примет древней религии Кулу можно найти немало в поздних индуистских храмах, тех храмах, которые с арийскими браминами пришли с равнины. В деревеньке Тхаве, на зеленом холме, среди сосен и деодаров стоит индуистский храм, посвященный богу-пастуху Кришне. Стены храма сложены из крупных камней, укрепленных кедровыми балками. Каменная башня-шикара покрыта искусной резьбой. У входа в храм меня встречает жрец.

— Меня зовут Джайядева, — вежливо представляется он.

— Вы брамин? — спрашиваю я его.

— О конечно. В наших храмах жрецами могут быть только брамины.

Джайядева, прищурив от солнца выцветшие старческие глаза, обводит рукой горы, холм и лес.

— Это все очень древние места, — начинает он. — А наш храм был построен пять тысяч лет назад.

— Так давно? — удивленно спрашиваю я. — Но ведь храму Хирман Деви тоже пять тысяч лет. А шикара вашего храма поздняя.

Старик задумчиво глядит на меня, потом на шикару, но упорно стоит на своем.

— Шикара, может быть, и поздняя, — приводит он последний аргумент, — но храм древний. Он стоял здесь еще во времена Махабхараты, когда Пандавы, наши правители, сражались с Кауравами. Может быть, в то время и не было шикары.

Я обхожу храм и замечаю, что он стоит на старинной каменной платформе, такой, как и храм Хирман Деви. Платформа под тяжестью каменного здания ушла в землю, но отдельные камни проступают сквозь траву. По-видимому, размышляю я, храм Кришны был построен на месте древнего святилища. Но чье это было святилище? Вряд ли жрец брамин об этом знает... Я поднимаю голову и рассматриваю каменную шикару. Вот оно что! На меня сверху, улыбаясь длинными губами, смотрят три богини. На них остроконечные короны, длинные серьги. Видимо, местный зодчий, помня о хозяйках святилища, увековечил их на шикаре храма бога-пастуха.

Жрец смотрит на солнце и вдруг спохватывается.

— Время, время, — говорит он. — Надо совершать пуджу в честь бога Кришны.

Я иду за жрецом. В помещении храма сумрачно. У противоположной от входа стены стоит небольшой каменный алтарь. На нем лежат цветы и стоит медный колокольчик

с длинной ручкой. Все предельно просто. Нет сложной процедуры ортодоксального индуизма. Джайядева брызгает водой на цветы, звонит в колокольчик. И поскольку я единственная, кто присутствует на пудже, протягивает мне на раскрытых ладонях цветы. Пуджа кончена. Джайядева провожает меня.

— Вы удивлены? — неожиданно спрашивает он меня.

— Почему?

— Ведь на пудже не было людей. Но вы не удивляйтесь. Здесь еще не привыкли к нашим богам.

Сколько столетий прошло, а люди еще не привыкли к чужим богам... Свои боги проще и ближе. Они почти родственники. Заболел сын, пропала в горах овца, не уродило поле, поссорился с женой, обнаружил пропажу денег — со всем этим можно обратиться только к своему богу.

Но униженные просьбы и жертвоприношения — это отживающие формы обращения к богам. Современная жизнь диктует свои нормы. И поэтому гербовая бумага кажется жителю Кулу более солидным аргументом в отношениях с богами. На этой гербовой бумаге заключается письменный контракт между крестьянином Шамграмом и богом гор Джамлу. В соответствии с вышеозначенным контрактом бог Джамлу обязуется регулярно поставлять воду из своих снежных запасов на поле Шамграма. Если бог Джамлу будет отлынивать от взятых на себя обязательств, Шамграм знает, что делать. Он подаст на бога в суд. Джамлу там не поздоровится. А древний и наивный Джамлу даже не подозревает, в какую ловушку он попал, подписав контракт на гербовой бумаге...

Каждый древний храм имеет свою сокровищницу. Там хранятся тайные реликвии и ценности, накопленные веками. Жрецы говорят, что в сокровищницах спрятаны богатые одежды богов, жемчуг, золото и серебряные маски. Если это так, то очень много интересного еще ожидает исследователя.

Но Кулу такое место, где реальность всегда переплетена с легендой. И трудно определить, где кончается одно и начинается другое...

Окончание следует

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Фантастический рассказ

Движение урагана мангры уловили, как всегда, вовремя, хотя, казалось, вокруг ничто не указывало на его близость.

Если бы мангры могли облечь свои ощущения в слова, то, верно, сказали бы: «Что за жизнь! Вечно природа гонит нас прочь от накрытого стола, когда мы еще не насытились!» Но мысль и слово отсутствовали. Просто ногокорни стали поспешно вытягиваться из земли, а черно-фиолетовые листья поднялись и выгнулись по ветру, как натянутые паруса. Безжалостная эволюция прочно закрепила в манграх суровое знание кочевника: кто медлит, тот рискует погибнуть под ураганом, как бы стойко он ни цеплялся за почву.

Прошло немного времени, и по равнине, все убыстряя ход, двинулась слитная масса темных парусов, подгоняемая ветром и усилием сотен тысяч щупальцеобразных ног. Безошибочный инстинкт наилучшим путем вел мангров к месту, которого в ближайшее время не коснется буря, месту, где можно спокойно пастись.

В тот же самый момент, находясь в сотнях километров от мангров и обозревая все с высоты орбиты, такое же место искал усиленный всей мощью машин человеческий разум. Электронные и лазерные импульсы, взаимодействуя со скоростью, немыслимой не только для мангров, но и для самого человека, обшаривали полярную область, рассчитывали кривую движения многочисленных бурь, хаос завихрений, удары бешеных воздушных потоков — всю ту головоломку атмосферных явлений, которую едва осиливала земная математика, с единственной целью найти клочок поверхности, где можно было высадить десант, не опасаясь немедленного буйства инопланетных стихий.

Поскольку истина объективна, нет ничего удивительного, что разный, ни в чем не схожий поиск дал один и тот же результат: десантный бот землян устремился туда же, куда стремились и мангры.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1973

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ — На Росомашьей реке . . . 2-я стр. обл.
Л. БЕРИНГОВ, С. МИЛИН — Сафари без славы 10
М. ГАЙ-ГУЛИНА — «Калипсо» спасается от айсбергов 15
ГЕОРГИЙ БЛОК — Разговор с метеорологом, или Прогноз прогноза 16
Л. ШАПОШНИКОВА — Долина тысячи богов 20
ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН — Пересечение пути 29
Р. САРИМОВ — Нож для Робинзона 34
А. ДРАНОВ — Сто профессий озера Инле 38
Загадки, проекты, открытия 41
ЛЕОНИД БАСКИН — Опасное пастбище 42
Луна и Солнце. Птица питло 45
ДЖЕЙМС ЧЕРРУТИ — Англия у берегов Франции 46
Н. НЕГМАТОВ — Странствия бунджикатской волчицы 54
ДЖОЙ АДАМСОН — Возвращение к свободе 56
С. БАРСОВ — Невозможная реальность 60
ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ — Кони Лисиппа 62
МАЙ ШЁВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Запертая комната 65
КАРЕЛ ОПОЧЕНСКИ — e2 — e4 76
Пестрый мир 78
Листая старые страницы 79
П. ЗУБОВ — Шамма из Гаму-Гофа 80

На первой странице обложки: БРАЗИЛИЯ. Индеец из племени мачигенга рассматривает кукурузу, пораженную вредителями.

Еще не так давно — нет тому и пяти лет — индейцы из племени мачигенга, живущие в амазонских зарослях, умели лишь охотиться да собирать в лесу, что природа послала.

Пять лет назад от своих соседей — индейцев племени суавахи — научились мачигенга сажать кукурузу. И превратились в таких заправских земледельцев, что, глядя на работающего на поле мачигенгу, подумаешь, будто занимался он этим всю жизнь, как и деды его, и прадеды...

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/VIII 1973 г. Подп. к печ. 12/IX 1973 г. А03083
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 500 000 экз. Заказ 1534. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ШАММА ИЗ ГАМУ-ГОФА

Всех детей на белом свете родители учат жить. «Уметь жить» — сложный комплекс, и в обучение входят многие «предметы»: от умения поздороваться до выбора невесты. Часть наук дети проходят в школе, а часть — дома. Маленького масая в Кении или Танзании учат пасти скот, а маленького эскимоса — охотиться. Сначала ребенок играет во взрослые занятия, потом помогает старшим, потом сам работает и, глядишь, уже учит собственных детей тому, что́ им в жизни пригодится.

Маленький дорзе (дорзе — народ, живущий в провинции Гаму-Гофа на юго-западе Эфиопии), конечно же, ходит в школу, где постигает премудрости таблицы умножения, родословную правящей в стране Соломоновой династии и начатки древнего языка геэз, на котором написаны молитвенники. Но ткацкое ремесло — главное дело его будущей жизни — он изучает дома.

Дорзе возделывают хлопок, лучший в Эфиопии, с длинными волокнами, нежный и шелковистый. Точнее говоря, полевая работа — женское дело, мужчины только вспахивают поле. Поэтому девочку-дорзе учат сажать хлопчатник, ухаживать за ним, собирать и очищать хлопок.

Когда хлопок собран, наступает очередь мужчин. Они прядут нити, красят их и готовят станки (которые вряд ли изменились с тех пор, когда царица Савская собиралась в дорогу).

А мальчики сидят рядом со взрослыми, наматывают нити на свои веретенца (как вы видите на 3-й странице нашей обложки). Веретенце маленькое, но настоящее. Время от времени отрывается отец от работы и проверяет качество нити. Не понравится — заставит снова все переделать (и не один к тому же раз).

А вот маленьких станков ткацких у дорзе нет. Сын стоит и смотрит, как ткет отец. Работа у него подсобная, но ответственная: тут узел завязать, там нить продернуть. Иногда же отец пускает его на свое место, а сам придирчиво следит за качеством сыновней работы. Одна-единственная ошибка — и несколько дней даже думать не смей на станке поработать! Работа ведь тонкая: дорзе изготовляют лучшие в Эфиопии шаммы — национальные накидки, заменяющие абиссинцам и пиджак, и пальто.

Дорзе не любят трудиться в одиночку, и в хорошую погоду ткачи работают на улице, чтоб можно было с соседями поговорить, а то и попеть за работой хором. Мальчишки ходят от станка к станку и у каждого мастера учатся тому, что он лучше всех умеет.

Продавать шаммы в город дорзе ходят тоже группой, вместе веселее, да и насчет цен и тому подобного всегда артелью договориться лучше. Вместе со взрослыми идут и их сыновья, ведь в жизни все уметь надо: и соткать шамму, и выгодно ее продать.

П. ЗУБОВ